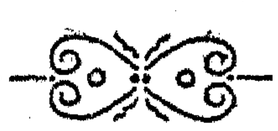
Книгоиздательство „СОТРУДНИЧЕСТВО“.

Викторъ Черновъ.

Философскіе и соціологическіе этюды.



МОСКВА. — 1907.
Типо-литографія **РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА** печатнаго и издательскаго дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., собств. домъ. Телеф. № 18-35 и 53-95

Вмѣсто предисловія.

Собранныя въ настоящемъ сборникѣ статьи, за немногими исключеніями, написаны въ періодъ до 1900 года. Съ этого времени не мало воды утекло... Философскіе изъяны марксизма, съ которымъ мнѣ приходилось полемизировать, опредѣлились слишкомъ ясно. Такъ, напримѣръ, діалектическій матеріализмъ пересталъ, какъ кажется, удовлетворять громадное большинство марксистовъ. Въ ихъ средѣ воцарился полнѣйшій теоретическій разбродъ, и явились приверженцы всѣхъ возможныхъ философскихъ школъ, вплоть до эмпиріокритицизма, на который мнѣ не разъ приходилось опираться въ борьбѣ съ метафизическими блужданіями и ортодоксовъ, и отщепенцевъ марксизма. Тѣмъ не менѣе, старая философская догма марксизма еще крайне живуча, и многіе еще держатся за эту тѣнь, за этотъ призракъ, когда-то столь стройнаго и цѣлостнаго міросозерцанія. Въ виду всего этого, настоящій сборникъ является не лишнимъ, какъ попытка не только доказать всю мнимость, всю несостоятельность миѳа о „стройной теоріи" марксизма, но и намѣтить—въ противовѣсъ ему—философскія основы синтетическаго соціально-революціоннаго міросозерцанія, органически объединяющаго строгій *теоретическій реализмъ* съ дѣйственнымъ, активнымъ *практическимъ идеализмомъ*...

Викторъ Черновъ.

20 ноября 1906 года.

Философскія основы ученія Н. К. Михайловскаго.

Н. К. Михайловскій опредѣляетъ основной мотивъ своей литературной дѣятельности, какъ стремленіе къ выработкѣ единой и цѣлостной *системы правды*, стройнаго міросозерцанія, которое бы неразрывно связывало въ одно высшее цѣлое всѣ понятія человѣка о сущемъ и всѣ его понятія о должномъ. Прообразомъ такой „системы правды" для него являются, напримѣръ, древнія религіи. Отвлекаясь отъ конкретныхъ различій въ содержаніи всѣхъ этихъ религій, во всѣхъ нихъ мы увидимъ одну драгоцѣнную общую черту. Каждая изъ нихъ посильно отвѣчала разомъ на всѣ струны человѣческаго сердца, каждая удовлетворяла такъ или иначе всѣмъ потребностямъ своихъ прозелитовъ,—теоретическимъ и практическимъ, общественнымъ и личнымъ, физическимъ и духовнымъ, національнымъ и семейнымъ, эстетическимъ и этическимъ. И то обстоятельство, что удовлетвореніе всѣмъ этимъ потребностямъ доставляла одна гармонически-стройная система,—сообщало необычайную душевную гармонію и уравновѣшенность ея приверженцамъ. „Блаженъ, кто вѣруетъ — тепло тому на свѣтѣ"—не одна пустая фраза. Въ общемъ идейномъ багажѣ современнаго человѣка также должно быть нѣкоторое „святая святыхъ", къ которому онъ долженъ относиться съ чисто-религіозной преданностью и вокругъ котораго, какъ вокругъ своего естественнаго центра, должны группироваться въ извѣстномъ раціональномъ порядкѣ всѣ его желанія, стремленія и помыслы. „Подъ религіей—говоритъ въ этомъ именно смыслѣ Н. К. Михайловскій—я разумѣю такое ученіе, которое связываетъ существующія въ данное время понятія о мірѣ съ правилами личной жизни и общественной дѣятельности; связываетъ такъ прочно, что для исповѣдующаго это ученіе поступить противъ своего нравственнаго убѣжденія въ такой же мѣрѣ невозможно, какъ согласиться, что, напримѣръ, дважды-два равняется стеариновой свѣчкѣ. Очевидно, что первые христіане обладали такимъ ученіемъ. Ихъ понятія о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ вселенной были самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связаны съ понятіями о нравственной жизни, и связь эта была такого возбуждающаго свойства, что давала имъ возможность дѣйствовать съ полной опре-

дѣленностью. Очевидно также, что мы такого ученія не имѣемъ; наши понятія о существующемъ стоятъ сами по себѣ, понятія о долженствующемъ существовать — тоже сами по себѣ, наконецъ, наши дѣйствія — опять сами по себѣ" [1])...

Современный человѣкъ остался „безъ догмата", какъ гласитъ названіе одного изъ прекрасныхъ романовъ Г. Сенкевича. „Догматъ" исчезъ. Старая система правды, построенная на теологическихъ, внѣ-міровыхъ началахъ, разложилась, подкошенная подъ самый корень завоеваніями науки. Современному человѣку потребовалась новая система правды, которая не въ меньшей степени, чѣмъ прежняя, объединяла бы всѣ тенденціи его мысли, чувства и воли, но которая бы стояла на уровнѣ современныхъ знаній такъ же, какъ стояла прежняя на уровнѣ современнаго ей незнанія. Отсутствіе системы не можетъ не сказаться психологически на извѣстной двойственности, нравственной рыхлости, дряблости, неустойчивости современнаго человѣка. Дѣйствительность, живыми агентами которой являются люди „безъ догмата", не можетъ не отличаться блѣдностью красокъ, разрозненностью образовъ, мертвенной тусклостью общаго колорита...

„Задача исторіи теперь, когда исчезла правда внѣ-міровая — это установить правду въ мірѣ" — превосходно выразился К. Марксъ въ своемъ „Введеніи въ критику философіи права Гегеля". На мѣсто правды внѣ-міровой, внѣ-человѣческой, трансцендентной потребовалась правда „отъ міра сего", правда человѣческая, реальная. Потребовалась система философіи, которая разомъ была бы и *философіей дѣйствительности* и *философіей дѣйствія*.

Соціологическая доктрина, неразрывно связанная для насъ, русскихъ, съ именами П. Миртова и Н. К. Михайловскаго, имѣла такую власть надъ умами и сердцами цѣлаго ряда активнѣйшихъ поколѣній русской интеллигенціи именно потому, что она являлась единой и цѣлостной системой, дававшей удовлетвореніе разомъ и теоретическимъ, и практическимъ потребностямъ ея приверженцевъ. Она была сооруженіемъ, какъ бы высѣченнымъ изъ одного цѣльнаго куска гранита. Отсюда и характеръ отношенія къ ней со стороны читающей публики. Ее или цѣликомъ принимали въ ея основахъ, или точно такъ же цѣликомъ отвергали. Сліяніе и реальнаго и идеальнаго, объективнаго и субъективнаго, теоретическаго и практическаго моментовъ — вотъ ея основная черта, которая проходитъ красною нитью черезъ всю ея архитектуру, начиная отъ самыхъ общихъ и отвлеченныхъ положеній и кончая самыми частными, конкретными.

Эту черту своей системы Н. К. Михайловскій самъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда" — я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею кра-

---

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. III. стр. 386—387.

сотою. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представляться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію — правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни"...

Съ точки зрѣнія многихъ и очень многихъ самая постановка вопроса, которую дѣлаетъ Н. К. Михайловскій, покажется ошибочной въ самомъ своемъ корнѣ. Могутъ сказать—какъ уже не разъ и говорилось—что область *сущаго* и *должнаго*—двѣ совершенно особыя, независимыя области; что между ними нѣтъ никакой необходимой связи; что *для истины* и *справедливости* уже по одному тому невозможно логическое объединеніе въ одну систему, что самый критерій истины и самый критерій справедливости не только не совпадаютъ, но, напротивъ того, совершенно различны и ничего общаго между собою не имѣютъ. Критерій истинности той или другой идеи — ея соотвѣтствіе съ объективной дѣйствительностью; критерій справедливости той или иной идеи—ея соотвѣтствіе съ высшими потребностями субъективной природы человѣка. Не ясно ли, что между міромъ теоріи и практики, объективнаго и субъективнаго отношенія къ дѣйствительности лежитъ непроходимая пропасть?

Но именно этой-то абсолютной двойственности критеріевъ и не можетъ признать Н. К. Михайловскій. Онъ, напротивъ, стремится свести ихъ къ одному общему корню и тѣмъ самымъ подорвать дуализмъ теоріи и практики въ самомъ его источникѣ.

Можно ли признать безъ всякихъ дальнѣйшихъ разъясненій и оговорокъ, что верховнымъ критеріемъ истинности нашихъ представленій является ихъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью? Вотъ вопросъ, который съ точки зрѣнія поверхностнаго „здраваго смысла" безъ долгихъ разсужденій рѣшается положительно. Обыденный, вульгарный „разсудокъ" не сомнѣвается,

что человѣческія представленія о мірѣ и самый этотъ міръ, являющійся предметомъ человѣческихъ представленій, можно совершенно такъ же раздѣльно изучать и затѣмъ сравнивать, какъ оригиналъ и копію какой-нибудь картины. Обыденный разсудокъ привыкъ къ тому, что каждое отдѣльное изъ нашихъ представленій и воспріятій мы можемъ провѣрить всей совокупностью другихъ представленій и воспріятій. Отсюда безсознательно въ этомъ „обыденномъ разсудкѣ" складывается слѣдующее умозаключеніе: если каждое отдѣльное человѣческое воспріятіе можетъ быть провѣрено чѣмъ-то ему постороннимъ, то, очевидно, для всей совокупности человѣческихъ воспріятій и вырабатываемыхъ изъ нихъ представленій тоже возможна подобная же провѣрка, послѣ которой легокъ и отвѣтъ на вопросъ: совпадаютъ ли наши представленія съ дѣйствительностью, взятой самой по себѣ? Нетрудно, однако, замѣтить въ этомъ умозаключеніи грубѣйшую логическую ошибку. Отдѣльное воспріятіе провѣряется другимъ воспріятіемъ и ничѣмъ инымъ. Вся же совокупность воспріятій можетъ быть провѣрена лишь самою собою [1]) ибо кромѣ воспріятія у человѣка нѣтъ орудія, посредствомъ котораго онъ могъ бы познать объективную дѣйствительность. Какъ человѣкъ не можетъ выпрыгнуть изъ самого себя, такъ не можетъ онъ выйти изъ рамокъ своей психофизической организаціи. Его органы чувствъ, эти орудія его познанія, съ ихъ своеобразнымъ устройствомъ, обусловливаютъ собою весь матеріалъ его представленій, содержаніе всей его мыслительной работы. Повѣрку дѣятельности всей совокупности этихъ органовъ чувствъ чѣмъ-нибудь для нихъ постороннимъ человѣкъ предпринять не въ силахъ, ибо у него для этого не хватаетъ немногаго: какъ разъ этого „посторонняго"... На вопросъ: соотвѣтствуютъ ли наши представленія дѣйствительности? вся совокупность нашихъ ощущеній, воспріятій и представленій представляетъ ли точный снимокъ съ объективнаго міра?—отвѣтить мы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы и помимо нашихъ впечатлѣній и воспріятій, путемъ какого-нибудь сверхъестественнаго наитія, мы познали бы ту же самую „объективную дѣйствительность", которую теперь мы знаемъ чрезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ. Только въ этомъ случаѣ мы имѣли бы двѣ истины о мірѣ, полученныя изъ двухъ различныхъ источниковъ, и могли бы одну провѣрить другой. Но разъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ наши понятія о сущемъ, только одинъ, то чѣмъ можемъ мы провѣрить „благонадежность" или „достовѣрность" этого источника?

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ критеріемъ истинности (но критеріемъ одностороннимъ, чисто формальнымъ) является гармонія отдѣльнаго представленія со всѣми остальными, способность его улечься въ систему гармонической концепціи міра, „logische Uebereinstimmung der Gedanken unter sich", „innere Widerspruchlosigkeit der Gedanken", по терминологіи Лааса („Идеализмъ и позитивизмъ").

Таковъ вопросъ, постановка котораго нарушаетъ прежнюю цѣлостность и увѣренность *наивнаго реализма* и приводитъ прежде всего къ *скептицизму*, изъ котораго затѣмъ уже различные люди находятъ различный выходъ и, соотвѣтственно этому, приходятъ къ идеализму, реализму или любой другой философской системѣ...

Въ небольшой, бѣглой замѣткѣ „О жаждѣ познанія" Н. К. Михайловскій также разсматриваетъ этотъ вопросъ,—и притомъ разсматриваетъ его, стремясь къ самой полной, самой абсолютной популярности изложенія. Онъ разсуждаетъ такимъ образомъ. Наибольшей точностью отличаются наши зрительныя воспріятія, изъ которыхъ вырабатываются наши представленія о пространствѣ, о протяженныхъ предметахъ и передвиженіи ихъ въ пространствѣ. Посредникомъ, чрезъ котораго мы получаемъ матеріалы для всѣхъ этихъ представленій, является органъ зрѣнія. Обратимся же къ способу его дѣятельности. „Спеціальное отправленіе глаза состоитъ въ воспріятіи свѣтовыхъ лучей, идущихъ къ нему отъ предметовъ. Но будемъ ли мы раздражать зрительный нервъ электричествомъ, кислотой, будемъ ли мы его давить, рвать, рѣзать, на всѣ эти раздраженія онъ отвѣтитъ свѣтовыми явленіями. Если мы будемъ просто давить на свой собственный глазъ, то тоже получимъ, кромѣ ощущенія боли, ощущеніе свѣта. Такимъ образомъ органъ зрѣнія отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями на такіе раздраженія, которыя не имѣютъ ничего общаго со свѣтомъ". „Только зрительный аппаратъ, состоящій изъ сѣтчатки, зрительнаго нерва и извѣстной части мозга, способенъ производить свѣтовыя ощущенія и соотвѣтственныя представленія. Солнечные лучи воспринимаются и нервами осязанія, но здѣсь происходитъ ощущеніе теплоты, свѣтовыхъ же ощущенія не можетъ дать ни одинъ нервъ, кромѣ зрительнаго. То же самое повторяется и съ другими нервами: на языкѣ уксусъ даетъ ощущеніе кислаго вкуса, а на соединительной оболочкѣ вѣкъ—осязательное ощущеніе болѣзненнаго жженія. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ различныя ощущенія не потому что въ немъ самомъ произошли какія нибудь измѣненія, а потому, что онъ дѣйствуетъ на различные органы чувствъ [1]). Съ другой стороны, мы видѣли, что зрительный аппаратъ отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями на всякія раздраженія. Что бы ни дѣйствовало на органъ зрѣнія—свѣтъ ли, электричество ли, механиче-

---

[1]) Для параллели приведемъ соотвѣтственное разсужденіе хотя бы изъ Ал. Риля: „Одинъ и тотъ же, неизвѣстный намъ по свойству его процессъ, ощущаемый какъ звукъ, когда онъ дѣйствуетъ на органы слуха, является движеніемъ, когда вступаетъ въ связь съ чувствами осязанія и зрѣнія или относятся къ нимъ въ мысли. Самъ по себѣ, онъ настолько же не движеніе, насколько и не звукъ. Тѣмъ или другимъ становится онъ только при дѣйствительномъ или же мысленномъ соотношеніи съ соотвѣтственными чувствами". Риль, „Теорія науки и метафизики etc", гл. II, стр. 43.

ское ли давленіе и проч., онъ дѣлаетъ только свое спеціальное дѣло". Какъ хорошій мельничный механизмъ будетъ одинаково перемалывать въ мелкій порошокъ, въ муку и зерно и случайно попавшій кусокъ известки, такъ и механизмъ зрѣнія *претворяетъ* въ свѣтовыя явленія всѣ, попадающія въ сферу его дѣятельности процессы безъ различія. Съ точки зрѣнія наивнаго реализма процессъ нашего зрѣнія есть нѣчто въ родѣ зеркала, точно копирующаго все, что передъ нимъ реально происходитъ, а органы нашихъ чувствъ въ совокупности представляютъ собой нѣчто вродѣ открытыхъ дверей, въ которыя и посылаютъ внѣшніе предметы міра свои копіи, снимки, модели—словомъ, самихъ себя въ миніатюрѣ [1]). Болѣе внимательное разсмотрѣніе, напротивъ, показываетъ, что роль нашихъ органовъ чувствъ, нашей психо-физической организаціи въ процессѣ нашего познаванія гораздо болѣе активная [2]). Она — обусловливающій моментъ всего процесса. „*Свойство*, *качество* предмета есть только *дѣйствіе* предмета, или, вѣрнѣе, постоянная способность дѣйствовать, при благопріятныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ на другіе предметы или на наши чувства", а потому „свойства предметовъ зависятъ не только отъ ихъ природы, но и отъ природы тѣхъ органовъ, на которые они дѣйствуютъ". Если ужъ искать грубыхъ аналогій, *то скорѣе можно сказать*, что наши представленія относятся къ предполагаемой настоящей, подлинной объективной дѣйствительности такъ же, какъ разноцвѣтный спектръ, отбрасываемый солнечнымъ лучемъ, пропущеннымъ черезъ призму, къ самому солнечному лучу; роль призмы въ данномъ случаѣ была бы аналогична роли нашихъ органовъ чувствъ, нашей физико-психической организаціи. Тотъ, для кого *истина* означаетъ полное соотвѣтствіе съ объективной, абсолютно независимой отъ субъективнаго міра человѣческой психологіи дѣйствительностью, долженъ придти къ самому горькому разочарованію

---

[1]) „На что не обращаютъ вниманія односторонніе эмпирики, такъ это на то обстоятельство, что опытъ—вовсе не открытая дверь, черезъ которую входятъ въ насъ внѣшнія вещи, какъ они существуютъ сами по себѣ, но процессъ, посредствомъ котораго *явленіе вещей возникаетъ въ насъ*. Что при этомъ процессѣ всѣ свойства этихъ вещей приходятъ извнѣ, и воспринимающій человѣкъ для этого ничего не долженъ дѣлать—это противорѣчитъ всякой аналогіи, взятой изъ природы, съ какимъ бы то ни было порожденіемъ новой вещи изъ взаимодѣйствія двухъ другихъ". F. A. Lange, Geschichte des Materialismus, 3-te Aufl., II, 27.

[2]) „Danach bedarf die Erzeugung des Warnehmungsobjects bekanntlich vielglidriger Bedingungen und Vermittlungen: der Luft, des Aethers, modificirenden organischer Apparate, Bündel von Nervenfäden, centraler Zellenanhäufungen, mechanischer, chemischer, electrischer Processe. Es wäre kindlich anzunehmen, dass das psychische Phänomen, die Empfindung, Warnehmung, welche am Ende und auf Grund aller diesen Vermittlungen und Bedingungen zum Vorschein kommt, das an sich seiende Ding, der Erreger der Zwischenprozesse, selbst wäre". Laas, Idealismus u. Positivismus, II. 52.

и скептицизму въ области познанія. Увы, „настоящей“ абсолютной дѣйствительности мы не знаемъ. Даже больше-мы ничего говорить о ней не можемъ; не можемъ даже говорить просто, что она *существуетъ*, хотя и неизвѣстна намъ, какъ и всякое „абсолютное“ понятіе, она есть non sens, стоитъ намъ сказать о ней что бы то ни было, какъ мы уже припишемъ ей тотъ или другой аттрибутъ изъ міра относительныхъ человѣчески воспринимаемыхъ явленій. Наши ощущенія, изъ которыхъ путемъ психической дѣятельности слагаются представленія о предметахъ, суть лишь извѣстные символы, извѣстные знаки,—но не произвольно нами выбранные, а навязанные намъ самой природой, самими условіями нашего существованія. Знаки эти нами заучиваются съ ранняго дѣтства путемъ сложнаго, отчасти произвольнаго опыта. Какъ ребенокъ постепенно заучиваетъ буквы, не имѣющія никакого сходства съ выражаемыми ими звуками, потомъ слоги, слова, съ которыми связываются опредѣленныя понятія; такъ тотъ же ребенокъ долгимъ опытомъ знакомится съ зрительными ощущеніями, пока, наконецъ, научится вырабатывать [1]) правильныя, т.-е. *пригодныя для жизни* представленія о предметахъ. Разъ отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ получаются всегда одни и тѣ же знаки, т.-е. ощущенія, а отъ разныхъ всегда разные—то такой системы знаковъ для насъ совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что иной и взять неоткуда. Нечего спрашивать, вѣрно ли само по себѣ мое зрительное представленіе о столѣ, на которомъ я пишу, и о различныхъ его качествахъ. Представленіе о столѣ, которое я имѣю, есть истинно и вѣрно, если я могу изъ него напередъ вѣрно и точно опредѣлить, какое ощущеніе я буду имѣть, если я приведу мой глазъ и мою руку въ то или другое положеніе относительно стола. Другого какого нибудь сходства между представленіемъ и представляемымъ предметомъ ни вообразить себѣ, ни понять нельзя“. „Такимъ образомъ, нельзя даже спрашивать: видимъ ли мы предметы такими, каковы они въ дѣйствительности?—потому что объ этой дѣйствительности мы, внѣ условій нашей природы вообще и природы нашего органа зрѣнія въ частности, не можетъ имѣть никакого понятія“.

Характерно, что къ тому же выводу приходитъ и современная западно-европейская научно-философская мысль. Такъ, Г. Зиммель въ своей книгѣ о нравственности („Einleitung in die Moralwissenschaft“) говоритъ почти тѣми же словами: „Различать между категоріями сущаго и воображаемаго учатъ исключительно практическія побужденія... Если поступки, исходнымъ пунктомъ которыхъ являют-

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ, какъ прекрасно выражается Когенъ, „die Natur nicht ein den Sinnen gegebenes Ding ist, sondern das grosse Fragezeichen, das die Sinne aufrichten, und das der Verstand schrittweise zu lösen hat“. Kant's Theorie der Erfahrung. K. XIII s. 501.

ся опредѣленныя представленія, не достигаютъ ожидаемаго результата, то съ этими представленіями психологически ассоціируется другое чувство, чѣмъ съ представленіями иного рода—тѣми, на основаніи которыхъ мы достигали своихъ цѣлей... Въ основѣ лежитъ при этомъ вовсе не категорія „бытія", подъ которую мы подводимъ—или изъ которой исключаемъ—тѣ или другіе представленія: естественнѣе принять, что дѣло идетъ такимъ образомъ: на основаніи практическаго опыта—удовлетворенности съ одной стороны, разочарованія съ другой—среди нашихъ представленій происходитъ дифференцированіе: одна часть получаетъ имя представленій, обладающихъ реальностью, другая же—не болѣе, какъ простыхъ идей..." Такимъ образомъ, „приписывая извѣстному представленію реальность, бытіе, мы выражаемъ этимъ наличность извѣстнаго отношенія, существующаго между этимъ представленіемъ и нашими чувствами и нашимъ практическимъ поведеніемъ" („Einleitung etc.", von G. Simmel, Berlin 1892., I, 4-5). При этомъ наши основныя представленія, говоритъ онъ въ другой своей работѣ „настолько же должны быть истинными въ обыденномъ... смыслѣ (т.-е, въ смыслѣ точнаго копированія абсолютно независимо отъ нашихъ познавательныхъ формъ „дѣйствительнаго" бытія. *В. Ч.*), насколько манипуляціи на телеграфномъ станкѣ имѣютъ сходство со словами, записываніе которыхъ они вызываютъ на другой станціи".

Наивный реализмъ вульгарнаго „здраваго" смысла полагаетъ, что вещи извѣстны намъ и независимо отъ субъективной природы нашихъ воспріятій, что мы можемъ познавать абсолютную объективную истину, не привнося въ процессъ этого познанія ровно ничего „отъ себя". „Какъ,—говоритъ наивный реалистъ—неужели истина не существуетъ внѣ моего представленія? Напротивъ, истина существуетъ совершенно независимо отъ моего представленія и часто вопреки ему, какъ въ случаяхъ галлюцинацій, дальтонизма и т. п. ненормальностей психическаго состоянія или организаціи человѣка". Наивный реализмъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что истина, реальность вещи не зависитъ отъ *индивидуальныхъ* условій природы познающаго субъекта. Всякую галлюцинацію нельзя же признать за реальность. Но отсюда онъ уже совершенно ошибочно умозаключаетъ къ независимости истины отъ условій познающаго субъекта вообще. Его представленіе объ истинѣ, независимой отъ субъекта вообще, о реальности, стоящей выше людей и внѣ ихъ,—явилось естественнымъ результатомъ того, что представленіямъ отдѣльныхъ единичныхъ лицъ приходится противополагать *общее* представленіе массы. Но оно также обусловлено субъективною природою субъекта—только не единичной, конкретной природой, а *средней* природой *средняго* человѣка... Какъ отдѣльный человѣкъ можетъ провѣрять одно изъ своихъ ощущеній или воспріятій совокупностью другихъ, такъ воспріятія одного человѣка можно провѣрять воспріятіями сово-

купности другихъ людей [1]). Но если мы спрашиваемъ, соотвѣтствуетъ ли это послѣднее, обще-человѣческое воспріятіе самому ощущаемому, воспринимаемому объекту,—провѣрка становится опять-таки невозможной, потому что произвести ее нечѣмъ... „Ощущеніе краснаго цвѣта есть нормальная реакція нормально устроенныхъ глазъ на свѣтъ, отраженный, скажемъ, киноварью. Слѣпой на красный цвѣтъ видитъ киноварь черною, потому что у него въ нервномъ аппаратѣ не достаетъ элементовъ, на которые могли бы дѣйствовать лучи свѣта, отраженные киноварью; и это есть нормальная реакція киновари на его особымъ образомъ устроенные глаза; онъ долженъ только знать, что его глаза иначе устроены, чѣмъ у другихъ людей. И одно ощущеніе есть не болѣе истинно и не болѣе ложно, чѣмъ другое, хотя людей, воспринимающихъ красный цвѣтъ, гораздо больше, чѣмъ лишенныхъ этой способности. Вообще, красный цвѣтъ киновари лишь постольку и существуетъ, поскольку существуютъ глаза, могущіе ощущать его“.

Только могучая соціологическая потребность *общенія между людьми* заставила человѣчество послѣдовательно выдѣлять изъ всей суммы индивидуальныхъ и въ этомъ смыслѣ субъективныхъ воспріятій такія, которыя особенно способны служить общей почвой для духовнаго общенія, въ которыхъ между собою гармонизируетъ наибольшее число личностей [2]). Именно, благодаря тому, что совмѣстная соціальная жизнь, коллективная реакція на вліянія окружающей среды тѣмъ дружнѣе, цѣльнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ однороднѣе воспринимаются эти вліянія общественными атомами-людьми,—именно благодаря этому, соотвѣтствующія воспріятія пріобрѣли для людей большій вѣсъ, большее значеніе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ „всякій молодецъ на свой образецъ“. Не то, слѣдовательно, чтобы индивидуальныя уклоненія въ воспріятіяхъ были менѣе „дѣйствительны“, чѣмъ обычныя, среднія, нормальныя. Тѣ

---

1) Въ этомъ смыслѣ и говоритъ, напр., Зиммель: «Das Sein oder die Warheit ist auch nur ein Verhältnissbegriff, d. h. die Majorität der miteinander zusamenhangenden und übereinstimmenden Bewusstseinsinhalte nennen wir Wahrheit, gegenüber der Minorität, und widerholen damit im Individuellen das schon sonst ausgesprochene Verhältniss, dass Wahrheit die Vorstellung der Gattung, Irrthum aber die schlechthin individuelle Vorstellung wäre» («Einleitung», s. 3).

2) „Пока не пробудилась потребность сообщенія впечатлѣній и выведенныхъ изъ нихъ представленій однимъ человѣкомъ другому, до тѣхъ поръ существуетъ индивидуальное только созерцаніе и неопредѣленно ощущаемый предметъ его для столь же исключительно индивидуальнаго сознанія. Но потребность эта пробуждается общежитіемъ, она—слѣдствіе соціальныхъ инстинктовъ, порожденныхъ и укрѣпленныхъ борьбой за существованіе. Лишь животныя общественныя разрываютъ границы индивидуальнаго сознанія, расширяютъ его психическими отношеніями къ товарищамъ до степени общественнаго. Тутъ только подготовляется почва для настоящаго опыта, для общаго всѣмъ познаванія общихъ всѣмъ объектовъ“. А. Риль, „Теорія науки etc“, стр. 77.

и другія равно дѣйствительны, равно необходимы и функціонально связаны съ природой воспринимающаго субъекта. Требованія общественной жизни заставили человѣка, „животное общественное“, возвести въ рангъ высшей истины „die Vorstellung der Gattung“, представленіе *рода* homo sapiens, сравнительно съ представленіемъ индивида. Общественная жизнь создавала нормы не только для поведенія, но и для работы ума. Средній общественный типъ сдѣлался мѣриломъ для индивида. Но эта истина есть только истина относительная, истина *для человѣка*.

Истинныхъ представленій о мірѣ—справедливо поэтому замѣчаетъ Михайловскій—существуетъ столько же, сколько различныхъ типовъ психо-физическихъ организацій. Для каждой изъ нихъ истина, конечно, едина. Но не надо забывать, что эта истина лишь для данной психо-физической организаціи, напримѣръ человѣческой, абсолютной же истины, независимой отъ какихъ бы то ни было субъективныхъ опредѣленій—нѣтъ и быть не можетъ. „Человѣкъ—не Богъ, находящійся внѣ всякихъ условій и опредѣленій. Онъ занимаетъ въ іерархіи существъ, населяющихъ міръ, высокое, но совершенно опредѣленное мѣсто, обусловленное его организаціей. Существа высшія его, существа низшія его имѣютъ понятія о мірѣ, весьма отличныя отъ его понятій, и, однако, они не болѣе и не менѣе истинны, чѣмъ его собственныя“. Въ этомъ отношеніи верховнымъ критеріемъ истинности является *пригодность для жизни*, способность служить практическимъ потребностямъ даннымъ образомъ организованнаго существа,—короче, способность служить орудіемъ поддержанія того—какъ онъ выражается въ другомъ мѣстѣ – *„равновѣсія между субъектомъ и окружающей средой“*, которое составляетъ сознательную или безсознательную цѣль въ его борьбѣ за существованіе.

Такимъ образомъ, передъ нами рядъ положеній критической философіи, теперь большей частью уже завоевавшихъ себѣ право гражданства (они не были таковыми, конечно, тогда, когда Н. К. Михайловскій писалъ эти строки,—вѣдь это было четверть вѣка назадъ!). Но эти положенія переработаны, скомбинированы Михайловскимъ на свой особый ладъ. Получается оригинальная концепція, въ которой теорія человѣческаго познанія и теорія борьбы за существованіе, эволюціи и подбора приводятся между собою въ самую тѣсную связь. И въ этомъ отношеніи Михайловскій идетъ тѣмъ самымъ путемъ, который избрала для себя и современная научная философія. Вмѣсто того, чтобы изъ общихъ метафизическихъ формулъ дедуктивнымъ путемъ выводить апріорныя положенія, въ которыя затѣмъ, какъ въ прокустово ложе, втискивать конкретный жизненный и научный матеріалъ — она предпочла обратный путь. Новая, научная школа подчиняетъ философію истинамъ, добытымъ индуктивнымъ путемъ. Она заставляетъ философію базировать на данныхъ положительныхъ наукъ. Она вступаетъ въ область философіи со свѣтильникомъ

точныхъ знаній — біологіи и физіологической психологіи. Теорію познанія она ставитъ въ непосредственную связь съ физіологіей органовъ чувства. Развитіе сознанія она освѣщаетъ свѣтомъ біологическаго ученія о борьбѣ за существованіе.

Интересно при этомъ вспомнить о томъ циклѣ идей, которыя развивалъ Г. Зиммель въ своей работѣ „объ отношеніи селекціоннаго ученія къ теоріи познанія".

Уже давно — говоритъ онъ — было высказано предположеніе, что человѣческое познаніе возникло, родилось на почвѣ практическихъ запросовъ, касавшихся обезпеченія и сохраненія жизни. Но эта вѣрная мысль часто фигурируетъ въ грубо-наивной и совершенно нефилософской формѣ. Именно, предполагается, что существуетъ независимая отъ субъективнаго міра, отъ психофизической организаціи человѣка истина; и вотъ, путемъ естественнаго подбора, представленія, соотвѣствующія этой объективной истинѣ, оказываясь полезными для жизни, выживаютъ и сохраняются, — тогда какъ представленія иного рода, этой объективной, независимой истинѣ не соотвѣтствующія — напротивъ, оказываются вредными для поддержанія жизни, вводятъ въ гибельныя заблужденія и рано или поздно исчезаютъ—иногда вмѣстѣ со своими носителями. Съ этой точки зрѣнія критеріемъ истинности является строгое соотвѣтствіе съ абсолютной, независимой отъ всякихъ формъ воспріятія, дѣйствительностью; истинность же представленія является причиною его полезности. Съ точки зрѣнія Зиммеля, историческое соотношеніе между категоріями истинности и полезности будетъ какъ разъ обратное. Абсолютной, не обусловленной никакими субъективными формами познанія „истины" не существуетъ; а потому такая изначальная „истинность" не можетъ быть антецедентомъ, необходимымъ предварительнымъ условіемъ, опредѣляющимъ полезность представленія. Наоборотъ, полезность есть prius, генетически она существуетъ раньше, она и есть то опредѣляющее начало, которое на зарѣ развитія психической жизни заставляло субъекта оріентироваться въ хаосѣ смутныхъ, сбивчивыхъ, несвязанныхъ между собою, неопредѣленныхъ и недифференцированныхъ представленій. Полезность, и ничто иное, заставляло этого субъекта психологически различно относиться къ разнымъ группамъ представленій, одни изъ нихъ выдѣляя, какъ полезныя по своимъ результатамъ, другія — какъ вредныя; одни — какъ помогающія установить должное равновѣсіе между организмомъ и средой, должное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ, — другія же, какъ мѣшающія установленію этого необходимаго соотвѣтствія.

„Мое мнѣніе, слѣдовательно, таково: между безчисленными, психологически-появляющимися представленіями есть нѣкоторыя, которыя своими воздѣйствіями на поведеніе субъекта оказываются полезными, благопріятными для жизни послѣдняго. Они-то и фиксируются обычнымъ способомъ подбора и въ своей совокупности